

Учение преп. Гавриила

Толкование на 50-й псалом и притчи о 10 девах

Беседа архимандрита Кириона с прп.
Гавриилом

(Монастырь Самтавро, Г. Мцхета,
Грузия, 1995 г.)

Отрывок из книги **ЮРОДИВЫЙ ГАВРИИЛ**
(УРГЕБАДЗЕ) ПРЕПОДОБНОИСПОВЕДНИК

Здесь я хочу привести одно мое
воспоминание, которое со всей очевидностью

выявляет меру его любви и его высокую
духовную сущность:

«С утра, как только проснулся, я
вспомнил про отца Гавриила и решил пойти
повидать его. Войдя в монастырь Самтавро, я
поцеловал совне маленький храм святой
равноапостольной Нины, большой храм
монастыря и направился к келье отца
Гавриила. Обе двери кельи были открыты, у
внутренней двери на низком стульчике сидела
матушка Параскева. Она улыбнулась мне.
Только я собрался произнести молитву, чтобы
получить разрешение войти, она опередила
меня и сообщила отцу Гавриилу о моем
приходе; тут же сказала мне,
остановившемся у наружной двери:

— Заходи, чего смотришь?

Я подошел к отцу Гавриилу, встал на
колени и попросил благословение. Он
благословил меня со своей обычной, идущей
из глубины серьезностью и указал на низкий
стул, стоящий у его изголовья. Примерно
через десять минут отец Гавриил обратился к
матушке Параскеве:

— Иди отдохни, и если мне что-нибудь
понадобится, позову.

Матушка Параскева не заставила себя долго ждать и, посидев несколько минут, с разрешения отца Гавриила ушла в свою келью. После ухода матушки Параскевы отец Гавриил немного помолчал и сказал:

— Хочешь, сегодня, ближний мой, поговорим на духовную тему?

Я с улыбкой согласился, но при этом немного растерялся, так как считал, что не достоин беседовать с отцом Гавриилом на духовные темы. После короткого молчания он со свойственным ему ласковым выражением и словами спросил:

— А ну-ка, ближний мой, скажи мне, если можно, какой псалом ты любишь больше всех?

Этот вопрос озадачил меня, я не знал, что ответить, потому что какого-нибудь особо любимого псалма у меня не было. Но так как я должен был дать ответ, назвал самый известный 50-й псалом, который я произносил чаще других, и, в некоторой степени, он нравился мне больше остальных.

— О, так вы любите «Помилуй мя...» Этот псалом действительно выделяется среди других псалмов. Так коли вы любите его, то, конечно, знаете и его содержание, и, если

можно, скажите мне, что, по вашему мнению, означает **безвестная и тайная премудрости Твоя явил ми еси** (Пс. 50,8).

С самого начала я понял, что мне не ответить на этот вопрос, но из-за сказанного отцом Гавриилом «так коли вы любите его, то, конечно, знаете и его содержание» постыдился прямо сказать, что не знаю, и решил найти хоть какой-то ответ. Я понял, что мучаюсь напрасно, притом шло время и было неудобно так тянуть с ответом. Я собрался с силами и сказал:

— Я не знаю, отче.

Он как будто ничего не заметил, напротив, улыбнулся мне своей любящей улыбкой, чем дал мне возможность свободно вздохнуть. Так как это был знак для меня, что он все правильно воспринял и понял, что это случилось со мной от немощи, а не от желания обмануть.

— Хорошо, ближний мой, если вы не можете сказать, тогда я отвечу, что означает:

***безвестная и тайная премудрости Твоя
явил ми еси.***

Давайте сперва начнем с «безвестного», которое своей силой являет чудо премудрости Божьей.

«Безвестное» означает невидимый, духовный мир, который Благий и Всесильный Бог Промыслом своей непостижимой премудрости сотворил и создал еще до сотворения видимого мира и человека. Оба эти мира в своем единстве есть полнота Божьего творения, а человек есть совершенное олицетворение этой полноты, в которой Бог своей непостижимой премудростью в одном лице, обобщенно — образе человеческого, связал и объединил обе природы: духовную — высшую и физическую — низшую по сравнению с духовной.

До грехопадения Адам беспрепятственно видел оба мира — физический и вместе с ним духовный, из которых премудрость и величие Божие явственнее и сильнее всего лицезрелись при видении небесных обиталищ Господа. Адам видел их до грехопадения, а после

грехопадения это видение было сокрыто от него и от всего человечества и стало «безвестным». Оно было даровано нам для лицезрения, но было отнято. Грех, непослушание, уход от Слова Божьего лишили нас способности видеть Его; а тем, которые вновь удостоивались явления «безвестного», это давалось милостью Божьей за их особенную святость и добродетельную жизнь.

Значит, ближний мой, как видишь, необходима святость, чтобы человек вновь удостоился лицезрения «безвестного», отнятого и изъятого у нас — величественной части дивной премудрости Божьей, подлежащей восприятию и ощущению посредством видения.

Если тут не было ничего непонятного, ближний мой, то думаю, для «безвестного» этого достаточно.

— Нет, все понятно, отче, — ответил я.

— Тогда скажем несколько слов о более интересном, «тайном».

«Тайное» есть лоно тайных знаний премудрости Божией, куда люди допускаются по исключительному благоволению и Промыслу Божиему. Те, кто неопустительно,

постепенно, от силы в силу, содействием и споспешествованием Святого Духа созерцанием, познанием и откровением приобщаются к высшим тайнам Божиим и поучением втайне умудряются в познаниях о Боге, ангелах и человеке. Одно дело — увидеть и услышать, а другое — вникнуть в тайну увиденного и услышанного.

«Тайное» не лицезреется, ближний мой, как это было сказано о «безвестном», но здесь наличествует только созерцание очами разума, которым Дух Святой придает силу устремления.

Для того чтобы человеку открылись врата познания «тайного», помимо святости, необходимо, чтобы человек имел заслуги перед Богом. А заслуги человек приобретает смиренным и любовным претерпеванием множества маленьких и больших невзгод и испытаний, гонений, несправедливостей, насмешек, осуждений, трудов, пота и служения во имя Бога и Его святого Евангелия.

Святой жизнью перед Богом, как мы уже говорили, людям дается видение

«безвестного», а с присовокуплением к святости заслуг открывается также и «тайное». Ибо человек своим подвижничеством сперва сподобляется грани святости, восхождением на высокие степени которой ему дается видение «безвестного», а затем, если он вновь пребудет в усердном служении, то обретает благодать в очах милостивого и человеколюбивого Бога и получает от Него в дар уже познание «тайного».

Когда человек бывает допущен в лоно познания «тайного» и даются ему откровения по мере его, тогда он изо всех сил предается созерцанию, почти ничего не помня, даже самые естественные потребности, настолько сладостно для него это состояние. Он погружается в созерцание воспринимаемого разумными очами откровения и тщательно отцеживает его для познания. В подобном напряжении человек не испытывает ни усталости, ни пресыщения, но бывает облечен в великое терпение, так как душа его пребывает в великом умиротворении и всячески ожидает явления «тайного». Пребывание в созерцании для него — наслаждение, откровение же и постижение

увиденного — неизъяснимая радость и блаженство.

Все это, ближний мой, исполняется на человеке высочайшей добродетели, той, которую преподобный Иоанн Синайский именует верой, надеждой и любовью. Недаром сказал я: «высочайшей добродетели», ибо это и вправду последняя ступень лестницы добродетелей.

И все-таки, хоть человек и испытывает высочайшее блаженство, он все же не довольствуется этим и не унимается. Он еще сильнее устремляется к Богу, к еще более глубокому единению и неразлучному пребыванию с Ним.

За этим уже следует обóжение, воспрять которое невозможно ни каким бы то ни было усилием воли, ни напряженным подвигом, — безумие паче всякого смысла! Это — единственно Божий дар, непостижимая, невыразимая словом милость Творца к своему созданию, которую ему должен даровать Бог и животворящим действием Своего Божественного Духа удостоить его этого дара, который со стороны человека тоже требует своеобразной готовности — подвизания.

Здесь человек всем существом своим прилежит смирению, беспощадно смиряет себя и спускается на самое дно ощущения собственной немощности. Непрестанно вопиет, плачет и молит Бога, чтобы Он удостоил его неразлучным пребыванием с Ним, его Творцом.

Велико в это время пламя любви в человеке, являющееся всего лишь отдельным языком Божественного, вечного огня, именуемого любовью.

Он жаждет всецело воссоединиться со всем пламенем, а не быть отдельным языком его.

Всецелое соединение с этим огнем — это обóжение, для достижения которого ему, кроме личного стремления и молений, необходима еще и внутренняя жестокость по отношению к себе, отсечение всего личного и забвение всего собственного, что без большого смирения и самоуничтожения никак не достигается. Надо любить всех, видеть в каждом брата и ближнего, помня, что Господь наш Иисус Христос пострадал за всех и каждого. Любовь ко всем — значит служение всем, но с мудростью! Ее, эту мудрость, и дарует Господь Бог всякому, на кого призрит

и облечет его Своей всесовершенной любовью.

До воссоединения человек тщится и всем существом своим стремится к неразлучному сопребыванию с Богом, а после воссоединения пребывает в любви, где великая безмятежность, мир и упокоение. Там — подвиг и труд, так как недостает полноты и цельности; Тут же — великая безмятежность, мир и упокоение, ибо уже полнота и пребывание в этой полноте.

Все прекрасно и божественно у Иоанна Синайского, который столь впечатляюще описывает ступени духовного усовершенствования человека, но только не хватает одного и окончательного состояния, которое есть дар Божий, венец и совершенство всего — именуемый любовью и обожением.

Тут единственно любовь, любовь — и больше ничего. Человек целиком и неразлучно пребывает с Богом, что и есть полное единство. Ум человека останавливается, мысли полностью исчезают из головы, он ни о чем уже не думает, единственно созерцает Бога и делает, и говорит лишь то, что видит и слышит от Бога.

Обóженный обладает премудростью от начала и до скончания веков.

Однако кто был среди святых обóженным — это не нашего ума дела (это он сказал, конечно, обо мне). Одного точно знаем — Иоанн Богослов».

Я пришел в изумление от услышанного, так как это представлялось мне чудом из чудес. Я бы подумал, что наверно ослышался, если бы не четко услышанные из уст отца Гавриила дивные речи. В смятении я думал про себя: как это может быть — ум останавливается, мысли исчезают, — ведь это невозможно. Не выдержав неопределенности, я после маленькой паузы спросил:

— Простите, отче, что значит — ум останавливается, мысли исчезают, ни о чем не думает, неужели такое возможно?

— Да. Поверь мне, ближний мой, невозможное человекам возможно Богу. Это непоколебимое действие Духа Святого, дабы обожить человека, возвести его в состояние Божественной любви — венца всех добродетелей. Иначе какое же это единство и с Богом пребывание, когда ум действует, мысли более или менее рождаются в нем, а

разум занят размышлением над ними? Полное единение с Богом невозможно без бездействия ума, полного, а не частичного отсутствия мыслей. В противном случае это будет не состояние обожения, а всего лишь пребывание на той высокой степени духовного развития, которую преподобный Иоанн Лествичник именует **верой, надеждой и любовью.**

При этих словах произошло некое чудесное событие этого дня, которое я тогда, будучи в гостях у отца Гавриила, не воспринял должным образом. Будто бы ничего сверхъестественного, так выслушал я последующие слова, являющие нечто дивное.

«Единственно любовь, невозможно всячески без этого. Сознание должно остановиться, и никакие мысли не должны пребывать в нем. Вот подобно мне, — и, поднеся кисть правой руки к голове, два-три раза постучал пальцами по ней медленным движением. — Самому этого не добиться, ближний мой, только Дух Святой может сотворить в человеке подобное, удостоить его такого чуда. Хотя какая мне честь в подобной благодати, ведь я же всего лишь по старости

так, что и мысли в голову не приходят и ум бездействует.

Обоженный, ближний мой, уже не для себя живет в мире сем грешном, но единственно для пользы других. С великим смирением скрывает себя от людей, дабы не поглотить их. Ибо если начнет жить неприкровенно, в полную силу, не выдержат люди истинного образа его жизни и поглотит их зависть. Но даже если не зависть, все равно не вместить им подобное, настолько превышает это состояние силу их разумения.

Относительно же того, что любовь есть венец совершенства, единственно любовь и обожение, и об этом не говорится даже у высокочтимого Иоанна Синайского в описанной им «Лествице» добродетелей, да и у позднейших не сказано, то в этом Промысл Божий, для меня приберет Бог это слово.

Та же любовь является окончательным и совершенным смыслом притчи **о десяти девах.** Пяти юродивым девам в этой притче не хватает именно любви. В этом главный смысл и причина, из-за которой они лишились спасения своих душ.

До наших дней высказанные толкования на эту притчу были нужны и угодны каждое в свое время, это же последнее толкование Господь соблаговолил приберечь для наших последних времен как самое великое, необходимое и нужное сегодня как никогда. И даровал эту честь мне грешному, тому, кто всю свою жизнь провел в подвиге любви к Богу и ближнему и никогда не щадил себя в этом деле. И что же в этом такого? Ближний мой, что снискал я благодать у милосердия Божия принять дарование этого слова, дабы объявить его моим ближним, объявить, что именно любви требует от нас Бог ныне, и что всеми силами должны мы подвизаться к стяжанию этой добродетели — любви к Богу и ближнему!»

Отец Гавриил все это поучал с великим смирением, что и бросалось в глаза прежде всего. Однако удивительным было то, насколько владычным и сильным было в то же время его слово и суть его повествования.

«Вначале, когда Иоанн Златоуст истолковал эту притчу в плане неимения у юродивых дев добрых дел, то это было от Бога, так было нужно в то время, ибо Господь тогда требовал от людей добрых дел —

подобный подвиг был ему в те времена угоден.

Позже прп. Серафим Саровский вновь, уже по новому объяснил эту притчу, придав ей новое осмысление, где причиной гибели юродивых дев он называл недостаток у них благодати Духа Святого. Этим Бог призывал человека к снисканию и стяжанию благодати Божией или иначе Духа Святого, именно в эту сторону благословлял Господь направить все свое подвижничество верующим в Него, то есть основанием и главным смыслом всякого подвига утверждалось стяжание Духа Святого, благодати Божией. Этого требовал в то время от человека его Создатель — Бог, и этого и взыскал бы с него по исшествии из мира сего.

Сейчас же, в последнее время, когда из-за умножения беззакония иссякла любовь многих (см. Мф. 24, 12), человеку как никогда необходимо иметь любовь и надо ему быть мудрым, дабы не отступить и не отпасть от нее. Ибо сегодня враг рода человеческого из всех сил тщится вырвать из сердец человеческих любовь и постепенным ее умалением охладить их, а затем и вовсе отлучить от ее живоносного действия.

Бог ныне взыскует от нас любви! Поэтому все наше старание должно быть направлено именно к ее стяжанию в сердцах наших, что возможно лишь через доброделание. Ибо любовь без дел мертва, она — лишь сказанное на воздух пустое слово, которое осудит человека на Страшном Суде, так как только возглашал «любовь» да «любовь», а сам вдалеке отстоял от тех дел, которые должен иметь человек любящий перед лицом Господа и ближнего своего. Или если даже имел ее, то не в полную меру своих сил и не прилежал всему, что было возможно, то есть мог и не делал.

Любовь жива, ближний мой, и без добрых дел она умирает. Добрые дела — это благое действие, которое есть жизненная сила любви. В этом истинная любовь и та единственная сила, с помощью которой человек сможет устоять перед соблазнами, тяготой и ужасом последних времен, которые посеет в мире Антихрист и его временное правление».

Тут отец Гавриил окончил свое слово. Мы недолго посидели молча в раздумье, как вдруг снова раздался голос очередного

посетителя: «Молитвами святых отец наших...»

Отец Гавриил словом «Аминь!» подтвердил свое согласие на молитвенную просьбу посетителя войти в его келью, меня же с улыбающимся взором благословил: «Ну вот, ближний мой, с миром изыдем».

Подойдя к нему, я взял благословение и отправился восвояси. Придя домой, некоторое время посидел молча под впечатлением беседы. Затем мне захотелось перечитать Евангелие, вернее, пересмотреть то ее издание, которое было осуществлено Стокгольмским Институтом перевода Библии.

Эта книга давно была куплена мной, однако лежала нетронутой, так как я слышал о многих ошибках в ней и неточном ее переводе, и поэтому у меня не появлялось желание перелистать или почитать ее.

Я встал, достал из стола Евангелие, осмотрел книгу внешне, затем раскрыл, желая проверить ее перевод, насколько легко он читается и нет ли в нем ошибок. Книга раскрылась на самом начале Евангелия от Иоанна, на первой главе: **В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово**

было Бог (Ин. 1,1). Затем я перечитал еще несколько стихов и понял, что мнение относительно языковой неточности и неверности текста¹ было ошибочным.

- 1 За то короткое время, которое на тот раз уделил стокгольмскому изданию Евангелия, мне удалось обратить внимание только на языковую сторону перевода. В дальнейшем же, когда я прочитал книгу целиком, то обнаружил в ней много ошибок и недостатков, особенно относительно смысловой передачи текста.

Хотя, конечно, по сравнению с древнегрузинским языком и переводом, новогрузинский текст во многом уступал.

После того у меня появилось желание пересмотреть и послания апостолов. Я начал листать страницы и, почему-то обойдя вниманием послания, остановился взором на Откровении святого Иоанна Богослова. Меня заинтересовало само начало: **Откровение Иисуса Христа, которое дал ему Бог, чтобы показать рабам Своим, чему**

надлежит быть вскоре (Откр. 1,1). Прочитав это и еще несколько углубившись в повествование, я вдруг вспомнил слова отца Гавриила: «Обóженный обладает мудростью от начала и до скончания веков. Но кто был в числе обóженных — это не наше дело. Одного же из них знаем — Иоанн Богослов».

Подобное неожиданное доказательство истинности слов отца Гавриила, оставшиеся неким малым чудом в моей памяти, еще более обрадовало и уверило меня в том, что учение старца об обóжении человека было сущей истиной. И хотя я изначально верил в это, однако, удивительный для меня факт, который в тот же день, спустя несколько часов после нашей беседы, евангельским свидетельством подтвердил правильность слов отца Гавриила, я воспринял как указание Божие, поставившее печать истинности на все повествование старца.

Благодарю Бога за то, что дал мне хотя бы отчасти познать и уразуметь величие отца Гавриила то, что он был обóженным старцем, а также то, что есть само обóжение, что это за состояние и какими путями оно достигается; то, что любовь, и только любовь суть обóжение, которое есть «венец всего» и

если только соизволит Бог, то дарует это состояние достигшим вершины добродетелей «веры, надежды и любви», промыслом Своей непостижимой Премудрости.

Добавим к этому и объяснение притчи о десяти девах, где пять юродивых дев были отвергнуты за неимение любви, и то, что это толкование было дано и открыто старцу Гавриилу Богом.

Архимандрит Кирион (Ониани)

**ЮРОДИВЫЙ ГАВРИИЛ (УРГЕБАДЗЕ)
ПРЕПОДОБНОИСПОВЕДНИК**

Издательство Сретенского монастыря,

Москва, 2017 г.